

НИТИНЬ Д. П.

**МЕСТОИМЕННИЯ В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ
ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКА**

Эта небольшая в количественном отношении группа словесных знаков по традиции называется местоимением; она относится к универсальной и наиболее употребительной части лексики [1, с. 33; 2, с. 61; 3, с. 449; 4, с. 3]. Классические местоимения по своему категориальному значению, по признакам словообразования, по системе словоизменения и синтаксическому использованию являются весьма своеобразными и взаимно отличающимися словами. Этим объясняется устойчивый интерес языковедов к данной категории слов и одновременно весьма различное, порой крайне противоположное их толкование.

Как попытку преодолеть традиционную точку зрения следует считать отрицание у местоимений статуса единой группы слов, или особой части речи и отнесение их к другим частям речи: местоименным существительным, предметно-личным местоимениям, местоимениям-существительным — местоименно-указательным именам прилагательным, или же местоименным прилагательным [5, с. 69; 6, с. 40, 167—169; 7, с. 531—545; 2, с. 29; 8, 9]. Подобный подход согласуется с традиционным в том, что классические местоимения рассматриваются в рамках однозначных слов, или номинативных знаков, причем уже в традиционной грамматике отмечается, что согласно своим лексико-грамматическим признакам местоимения или приравниваются к именам существительным, прилагательным и числительным, или уподобляются союзам, наречиям и частицам.

Как в традиционном, так и в современном теоретическом языкознании местоимения выделяются в отдельную категорию, хотя и по качественным и по количественным характеристикам данный разряд слов весьма разнороден. Таким образом, местоимения, во-первых, относятся к классу действительных знаков, которые противопоставляются лексически полнозначным словам, или номинативным знакам (подклассу имен существительных, прилагательных, глагольных лексем, количественным знакам и др.), и тем самым лишаются номинативной значимости [10, с. 113, 164; 3, с. 446—449]. Во-вторых, осуществляется расширение рамок категории местоименных слов, ибо к ним относят словесные знаки временного и пространственного дейксиса, или местоименные наречия, указательные частицы и другие периферийные группы [10, с. 83; 3, с. 435; 11, с. 93; 2, с. 31—33]. При подобном рассмотрении статус категории местоименных слов, или действительных категорий, обслуживающих сферу актуальной речи, в аспекте учения о частях речи носит проблемный, порой неоднозначный характер, хотя и значение этого класса в системе подчеркивается [1, с. 15; 3, с. 449].

Латышское языкознание придерживается точки зрения, признающей наличие отдельной самостоятельной части речи — местоимения [12,

13; 14, с. 637—721; 15, с. 500—542; 16, с. 504—550; 17; 2, с. 30]. Действительно, распределение латышских классических местоимений по их признакам по другим частям речи не представляется целесообразным. Местоимения имеют функции имен существительных или прилагательных, однако они также отличаются от данных разрядов слов по своему категориальному значению, морфологической структуре, особенностям словообразования и словоизменения.

Имена существительные и прилагательные могут обозначать как конкретные предметы и признаки, так и отвлеченные понятия. Местоимения же, как правило, — слова, не имеющие предметного коррелята в объективной действительности, и тем самым, как отметил акад. В. В. Виноградов, «в них отсутствует номинативное отношение к постоянным предметам, качествам...» [6, с. 260]. Лексически полнозначных слов, обладающих предметным значением, т. е. имеющих физическую природу означаемого, и полной семантической структурой, не так уж много [3, с. 446; 18, с. 166].

Лица, предметы, явления, признаки, действия манифестируются в бесконечном количестве разнородных отношений, и слова должны дать наименование не только предметам, лицам, но и их свойствам и взаимоотношениям. В языке создаются наименования отвлеченных абстрактных понятий, выявленных по признаку занимаемого положения к определенной точке отсчета, по признаку взаимоотношений и выполняемых функций, ср.: *cilvēks* «человек» — *skolotājs* «учитель», *zinātnieks* «ученый», *direktors* «директор» и т. п.

Можно согласиться с положением, что функциональная номинация, представляющая собой отождествление лиц и предметов по функциональному критерию, сходна с реляционной семантикой, т. е. с значением, в состав которого входит компонент «отношение» [1, с. 207—212], ср.: *es* «я» — *runātājs* «оратор», *skatītājs* «зритель». Синтез обоих типов отношений — реляционного и функционального, думается, выявляется в местоимениях, выполняющих одновременно и классифицирующую функцию. Например, субстантивные местоимения по существу являющиеся знаками передачи отношений, знаками осознания себя в сфере взаимных связей с другими лицами и предметами: *es* «я», *tu* «ты», *mūsu fakultāte* «наш факультет» и т. п.

Изучаемый фрагмент действительности (лица, предметы, действия, признаки) в мыслях — в познавательно-обобщающем (гносеологическом) процессе — распределяется по универсальному принципу «новое, неизвестное» — «уже известное», «все имеющиеся» — «часть из имеющихся или упомянутых, известных предметов или признаков», а также в зависимости от размещения в пространстве и времени по отношению к месту и моменту акта познания или коммуникации и наделяется названиями в высшей мере обобщенных признаков и понятий типа *tas* «тот», *šis* «этот», *cits* «другой», *kāds* «кто-то», *minētais* «упомянутый», *iepriekšējais* «предшествующий». Находящиеся в поле зрения предметы, действия выявляются и рассматриваются через призму их отношений к познающему (коммуникативному) лицу, к сообщаемой им информации, упомянутым предметам, явлениям, к данному месту и времени, т. е. реализуется координация действительности или дается координационная иерархия относительно данной точки отсчета.

При помощи определенных слов, которые являются как бы вторичными знаками, выражающими более обобщающее содержание в другой степени абстракции и заодно заключающими в себе дополнительную ин-

формацию о локальных, possessивных и прочих отношениях, передается понятие уже упомянутого, известного объекта (лица, предмета, явления): *sradās mākoņi, tie aptāsa sauli* «появились облака, они заслонили солнце». Конкретные явления, признаки, предметы, как бы кодируются вторично согласно их отношению к избранной точке отсчета и месту в системе познания и общения и передаются словами-обобщителями, указывающими на соответствующие понятия. Например, адъективные местоимения выражают такие абстрактные понятия, как принадлежность к определенному лицу или субъекту вообще, связь с субъектом, указывают на то, что признак является таким же, как свойства уже известных предметов, или же представляется неопределенным, неизвестным: *tādi cilvēki* «такие люди», *kāds cilvēks* «какой-то человек».

При помощи местоимений можно сообщить об объектах, лицах, предметах и явлениях, которые до сих пор не упоминались и не находились в центре внимания: *citi cilvēki* «другие люди». Посредством местоимений в языке дается обобщенное название любому целому, совокупному или также обобщенному отдельному в сфере определенной совокупности: *visi apnicis* «всё надоело», *katram ir savs pienākums* «каждый (любой, всякий) имеет свой долг».

Таким образом, на уровне языка назначением класса местоимений является наименование предметов мыслей. Местоимения — это словесные знаки, понятийная соотнесенность которых превалирует над предметной, поэтому они служат названиями общих понятий и их можно считать в высшей степени обобщенными словами [19, с. 132; 10, с. 84; 4, с. 18]. В языкознании местоимения причисляются к действительным словам, однако с этим трудно согласиться, если под последними подразумеваются словесные знаки, не имеющие своего собственного предметно-логического содержания [3, с. 435—449; 18, с. 166, 177]. Местоимения, как правило, заключают в себе некое новое сообщение и имеют своей сигнификацией определенные понятия, т. е. они отличаются сигнификативным типом значения [10, с. 175].

В речи реализуется соотношение местоимений с референтами конкретной предметной ситуации, т. е. происходит конкретизация их семантики. Контекст и ситуация безусловно имеют большое значение при актуализации и раскрытии значения функциональных наименований и слов обобщенного содержания. Поэтому в принципе можно согласиться с Е. Курпловичем в том, что такие слова, как *я, ты* и т. п., получают свое полное содержание только в отношении к внешней ситуации, в контексте [20, с. 239]. Однако к этому хочется добавить — не полное, а индивидуальное (актуальное) содержание, причем последнее является характерной чертой не только местоимений, но и функциональных наименований и многих других слов, ср.: *es — tas, kurš runā* «я — тот, кто говорит», *draugs* «друг», *skatītājs* «зритель» и т. п.

При помощи местоимений в рамках их обобщенного (виртуального) значения не только выделяется предмет и привлекается к нему внимание, но и дополнительно характеризуется какой-то определенный аспект референта, т. е. факты, явления, предметы и лица выявляются и дифференцируются относительно координат речевого акта [10, с. 166; 3, с. 449; 2, с. 62]. Будучи словами-понятиями, местоимения используются для формирования мысли и высказываний, служат средством организации и упорядочения речевого акта [10, с. 88, 166; 1, с. 49]. В определенных контекстах, когда преобладает действительное начало местоимений, они имеют функцию связующих элементов текста и выступают в роли внутрисструк-

турного и анафорического дейксиса [4, с. 120, 195; 18, с. 182: *Zēns gāja pa ceļu. Viņš* (→ *zēns*) *kliboja* «Мальчик шел по дороге. Он (→ мальчик) хромал». Местоимения дают возможность экономно выражать мысли, избегать повторений, причем, оказываясь избыточными в плане своего сигнификативного значения, они могут выступать в роли частиц и быть средством организации ритмического потока речи [2, с. 62; 4, с. 23]: *uzvilkt (savu) mēteli* «надеть (свое) пальто», *savs labums* «своя, определенная польза».

Е. Курилович полагал, что отличаясь только в одном отношении — лексическим содержанием, с синтаксической точки зрения местоимение упрощается существенно, прилагательному или наречию, как только перестает быть лишь сопровождаем некоторого жеста [20, с. 66—67]. От данных разрядов слов местоимения, однако, отличаются не только своеобразием своей лексической природы, т. е. спецификой номинации, но и морфологической структурой, особенностями словоизменения и синтаксического использования, ибо очень часто местоимения характеризуются функциональными и формальными аномалиями [11, с. 92]. Среди местоимений выявляются такие, которые отличаются отсутствием категорий рода, числа, имеют свой тип склонения, в частности супплетивное образование форм [2, с. 34, 191], ср. лтш. *es* «я», *manis* «меня», *mēs* «мы», *sevis* «себя», *šis* «этот», *kas* «кто, что» и др.

Латышские местоимения, как правило, являются корневыми словами, и только местоименный корень иногда заканчивается на краткий гласный, т. е. состоит из сочетания какого-либо согласного с кратким гласным [15, с. 502], которое в ходе исторического развития могло слиться с окончанием, вследствие чего морфологическую структуру местоимений в современном языке порой однозначно определить нельзя: *tas* «тот», *tā* «того», *tam* «тому», *to* «тот, того», *tie* «те» и т. п. Местоимения, которые употребляются и изменяются по образцу имен прилагательных [*mans(-a)* «мой(-я)», *tavs(-a)* «твой(-я)», *savs(-a)*, «свой(-я)», *tāds(-a)* «такой(-ая)» и др.], в отличие от литовских образований типа *manasis*, *tavasis*, *savasis* [14, с. 664; 16, с. 521; 21, с. 545], не имеют таких характерных для латышских прилагательных черт, как определенные окончания, способные передавать противопоставление определенности и неопределенности, а также формы степеней сравнения.

От имен существительных и прилагательных латышские местоимения отличаются также непродуктивностью словообразования, поскольку для них в целом не свойственно создание новых слов при помощи суффиксов и префиксов, а также сложением основ; исключения составляют лишь образования типа *nekas* «ничто», *neviens* «никто», «ни один», *ikviens*, *ikkatrs* «всякий, любой, каждый», *jebkas* «что бы то ни было». Больше суффиксальных и сложных образований обнаруживается в литовском языке, что объясняется как некоторыми структурными особенностями, например, наличием словоформ *tu du* «мы (двое), мы оба» и т. п., так и традицией грамматики литовского языка по выявлению разряда местоимений [21, с. 543; 14, с. 637—721].

Исторически местоимения использовались при образовании личных и возвратных форм глаголов и определенных окончаний имени прилагательного [16, с. 703—715, 903—916, 466—477; 2, с. 210]. Характерной чертой системы местоимений является их сочетание в целях усиления или уточнения выражаемого содержания (отношения): *tas pats* «тот же самый», *šāds tāds* «кое-какой», *kurs katrs* «любой, каждый» и т. п.

Значение местоимений, как правило, могут усиливать или уточнять

лишь следующие за ними местоимения, имена числительные или прилагательные (последние в особенности за словами *kas, kaut kas* «что-то, что-либо, кое-кто»): *mēs abi* «мы оба», *viņi visi* «они все», *mēs citi* букв. «мы другие», *mēs divi ejam pa ceļu* «мы вдвоем (букв. «два») идем по дороге», *kas balts* «что-то белое». В подобных случаях постпозитивный компонент приобретает качество определения, хотя образует с предыдущим местоимением распространенный член предложения. Таким образом, местоимение может выступать в роли определяемого, допуская при себе наличие своеобразного модификатора, и является тем самым номинативной единицей.

Субстантивные местоимения в отличие от существительных не имеют при себе определения, выраженного существующим прилагательным. Однако в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть тот или иной стилистический оттенок или создать ритмичность языкового потока, имена числительные и местоимения иногда занимают в качестве определения также препозитивное положение по отношению к последующему местоимению, например: *viens es kļīstu pa pasauli* «я один (букв. «один я», ср.: *один я был против) брожу по свету».*

Как и союзы, местоимения могут быть средством выражения подчинительной связи придаточного предложения, но, будучи союзными словами, они изменяются по форме, выполняя при этом функции членов предложения. Подобно частицам, латышские местоимения могут усиливать и нюансировать значение имен существительных и прилагательных, зачастую образуя вместе с ними единый член предложения. Однако от частиц местоимения также отличаются изменяемостью формы: *ierasties pašā laikā* «явиться в самый раз», *pati labāki* «сама лучшая».

По своим лексико-грамматическим признакам латышские местоимения имеют сходство с именами существительными, прилагательными, числительными, как и с союзами и частицами, но им присущи отличительные черты. Не сливаясь с упомянутыми частями речи, они приобретают, таким образом, статус отдельного класса языковых единиц. Местоимения — это группа своеобразных слов, которую следует признать самостоятельной частью речи, ибо в качестве ее объединяющего и выделяющего начала выступают как особенности их категориального значения (своеобразие номинации), морфологической структуры, словообразования и словоизменения, так и специфика в плане синтаксического использования.

Определение всего класса местоимений как заместителей или заместителей имени, от которого русское языкознание отказалось еще в начале XIX в. [6, с. 256—257], и сейчас еще встречается не только в школьных грамматиках [22], но и в теоретической литературе. В лингвистических трудах отмечается, в частности, возможность замены слова на личные местоимения [23, с. 82, 88] или указывается на то, что местоимение выступает заместителем той или иной полнозначной единицы [4, с. 5; 10, с. 74], например, заменяет существительное или прилагательное [18, с. 182; 11, с. 90], при этом используются обозначения: субституты [24; 4, с. 21], знаки-заместители с импликацией лица, предмета, места, времени, (слова-) заместители — проверки, прономinals, проадъективы, проадвербы [3, с. 435, 446; 4, с. 8]. Заменять знаменательные слова в определенных контекстах могут, однако, лишь некоторые местоимения, ср.: *Zēns iet uz skolu. Viņš nav sagatavojis mājas uzdevumus* «Мальчик идет в школу. Он не подготовил домашние задания». Трудно представить себе, какие имена заменяют, например, местоимения: *es* «я», *tu* «ты», *mans* «мой», *tavs* «твой», *savs* «свой», *visš* «весь», *cits* «другой», *dažs* «некоторый» и др.

Традиционное определение, в соответствии с которым местоимения замещают имена и употребляются вместо них, нашло отражение в самом языковедческом термине: лат. *prōnōmina* — лит. *vietniekvārds* «местоимение». Однако, во-первых, назначением местоимений является не их употребление вместо имени, а выражение отвлеченных понятий, появление которых обусловлено взаимными отношениями лиц, предметов и действий, их признаками, способом и степенью выявления, положением в пространстве и времени, причем одновременно местоимения функционируют в качестве опознавательных знаков в рамках уже имеющейся информации, т. е. определенного контекста.

Во-вторых, сущность знаковой репрезентации вообще, как известно, состоит в замещении и обобщении вещей, ибо «основой онтологической чертой любого знака является функция представления, замещения им другого предмета» ([19, с. 107]; ср. также [25; 10, с. 20]). Поэтому термины типа «знаки-заместители», «местоименные слова», «местоимение» раскрывают характер соответствующих словесных знаков в известной мере односторонне, и их трудно признать удачными.

Как известно, любая отрасль науки, которая не стоит на месте, а развивается, должна время от времени обновлять или пересматривать свою терминологию; ср. [11, с. 393]. Не является исключением и языковедение. Например, относительно традиционных местоимений и прочих местоименных слов лингвисты рекомендуют обозначения: указательные слова, демонстративы [4, с. 115], слова-указатели [4, с. 195], дейктические слова [3, с. 449] и др.

В данной статье предпринята попытка пользоваться термином «обобщители», или «слова-обобщители», поскольку «слова-указатели», «дейктические слова» (дейксисы), как правило, не имеют сигнификативного содержания как отражения действительности, т. е. познавательной функции обобщения.

В латышских грамматиках традиционные местоимения разделяются на 6—9 (в академической грамматике даже на 10) подгрупп, или семантических разрядов: личные, возвратное, притяжательные, указательные, неопределенные, относительные, вопросительные, определенные (в академической грамматике им соответствуют два разряда — *vispārīnāmie* «обобщаемые» и *noteicošais* «определяющее») и отрицательные местоимения. Однако данная детальная классификация мало оправдана, ибо она не отражает все лексико-семантические и синтаксические варианты, например, при рассмотрении определенных (определятельных), неопределенных, вопросительных, относительных и др. местоимений.

При классификации обобщителей целесообразно учитывать не различные, а общие признаки, на основе которых можно объединять отдельные разряды местоимений, одновременно упрощая схему деления. Номинативная функция обобщителей выявляется в обозначении лица, в осознании и выражении определенности и неопределенности, поэтому соответствующие отвлеченные понятия являются как бы ядром образования лексико-семантической системы классических местоимений, или обобщителей. При этом в любой группе, в зависимости от конкретного употребления отдельных слов, т. е. их синтаксического использования, можно выделить субстантивные и адъективные обобщители.

Использование обобщителей — это один из способов выражения категории лица, категории определенности—неопределенности. Этот способ заключается в использовании словесных знаков той или иной семантики. Таким образом, обобщители как определенная группа слов, т. е. часть

речи, являются лексическим способом выражения названных категорий в отличие от грамматических способов (личные формы глагола, противопоставление прилагательных с определенными и неопределенными окончаниями и т. д.).

Личные субстантивные обобщители указывают на осознание, вычленение из окружающей действительности и выражение самого себя и на связь с другими лицами (*es* «я» — *mēs* «мы»), передают распределение отдельных лиц соответственно отношениям «я» (*ego*) и «не-я» (в чем заключены определенные философский смысл и понимание данных знаков как самого универсального класса местоименных слов [4, с. 24]): *es* «я» — *tu* «ты», *jūs* «вы», *viņš* «он», *viņa* «она».

Указание на лицо содержат не только личные обобщители (классические местоимения), но и личные формы глаголов, их окончания. При отсутствии различий в окончаниях глагольных форм личные обобщители используются для выражения грамматического значения категории лица, например: *es* (*tu*, *viņš*, *viņa*, *mēs*, *jūs*, *viņi*, *viņas*) *brauktu* «я (ты, он, она) ехал(а) бы, мы (вы, они) ехали бы»; см. [6, с. 360—370]. Если финитные формы глагола сохранили различие окончаний, то личные обобщители или вообще не употребляются [например, в повелительном наклонении: *lasī* (*lasiet*) *ātrāk*: «читай (читайте) быстрее!», или их употребление может стать необязательным и порой даже нежелательным (например, в изъявительном наклонении: *Vakaros labprāt lasu grāmatas* «По вечерам охотно читаю книги»).

Личный субстантивный обобщитель *pats* «сам» выражает понятие лица или индивидуума вообще, указывает на главное лицо: *kas otram bedri rok*, *pats iekrīt* «не рой другому яму, сам в нее попадешь». Первичное конкретное значение слова *pats* «хозяин; муж», *pati* «хозяйка; жена» (ср.: литов. *pats* «муж», *pati* «жена»; прусск. *waispattin* «жену»; санскр. *pāti-h* «господин» [16, с. 540; 21, с. 551; 14, с. 536]) встречается преимущественно в разговорной речи: *val pats mājās* «сам дома?». В результате дальнейшей абстракции слово *pats* «самый, же» стало показателем самостоятельности, усилителем других обобщителей, выражающих значение лица или определенности: *es pats* «я сам», *tas pats cilvēks* «тот же самый человек».

Обобщитель *sevis* «себя» указывает на идентичность объекта с субъектом или передает то, что действие обращено к субъекту, например: *viņš neaizmirst sevi* «он не забывает себя, о себе». Данное свойство обобщителей, благодаря которому можно обозначать идентичность субъекта и объекта и сконцентрировать действия в сфере субъекта, исторически использовано при образовании возвратных форм глагола, которые в латышском и литовском языках возникли путем присоединения к невозвратным глаголам прономинальной словоформы *si* < **sie* < **sei* или прусск. *si* < **sē* [16, с. 903—916; 21, с. 585—586; 15, с. 554; 6, с. 494—501].

Слова, которые указывают на признак принадлежности или связи по отношению к определенному лицу, следует признать личными адъективными обобщителями: *mans* (-a) «мой(-я)», *tavs* (-a) «твой(-я)» (системные связи между possessivом и личным местоимением отмечал, например, Е. М. Вольф [4, с. 58]). Названные слова, имеющие в отличие от литовских *mano*, *tavo*, полную парадигму склоняемых форм, обозначают отношение принадлежности к 1-му и 2-му лицу ед. числа. Принадлежность 3-му лицу и всем лицам мн. числа в латышском и литовском языках передают неизменяемые формы род. падежа личных субстантивных обобщителей (ср. использование генитива принадлежности имен существительных в латышском языке: *tēva grāmata* «книга отца» — *es paņemu viņa grāmatu*

«я взяла его книгу» [14, с. 673; 2, с. 38]. К личным адъективным обобщителям относится также слово *savs(-a)* «свой(-я)» [в литовском соответственно *savo, savas(-a)*], которое указывает на принадлежность чего-либо деятелю, действующему или какому-то другому лицу, а также передает связь с ним вообще: *paņemt savu grāmatu* «взять свою книгу».

Согласно традиции, в латышском языке к притяжательным местоимениям причисляются образования с суфф. *-ēj-* (об их возникновении и употреблении см. [16, с. 280—281; 15, с. 512]) типа *mans — manējs(-a), manējais(-ā), manējie* «моя, моя, мои (родные)». Подобные образования, которые имеют как неопределенные, так чаще всего и определенные окончания и отличаются менее отвлеченным характером значения, больше схожи с именами прилагательными, чем с обобщителями, или классическими местоимениями. В определенных контекстах разговорной речи данный тип слов с суфф. *-ēj-* приобретает качества имени существительного: *aiziet pie savējiem* «сходить к своим (родным)».

Латышские слова типа *mūsējie* «наши(родные)», видимо, целесообразно отнести к именам прилагательным или к субстантивированным словам, тем более что другие осложненные суффиксами образования, например, *cītāds* «иной», *visāds* «всякий», *dažāds* «разный», в латышском языкознании считаются прилагательными [16, с. 391; 15, с. 236]. Более последовательный подход у литовских лингвистов, которые такие образования, как литов. *maniškas, maniškiai* «мой, мои (родные)», *kitoks* «иной», *visoks* «всякий», *keletas* «несколько» и т. п., не распределяют по разным частям речи, хотя число так называемых традиционных местоимений увеличивается: если в латышском языке рассматриваются около 70 местоименных слов и их сочетаний, то в грамматике литовского языка их насчитывается более ста единиц [15, с. 500—542; 14, с. 637—721].

К числу определенных (определительных) субстантивных обобщителей в латышском языке в первую очередь относится слово *tas* «это, он», при помощи которого в любом случае можно указать, что речь все еще идет об уже упомянутых явлениях, о предметах, которые контекстуально или ситуативно известны: *tas man nepatīk* «это мне не нравится». Местоименное постпозитивное **-jo-* в балтийских, славянских и других палеоевропейских языках исторически использовалось при образовании системы определенных форм имени прилагательного [16, с. 466—477; 26: 21, с. 533—535; 15, с. 429; 23, с. 59—62].

Значение определенности выражают субстантивные обобщители, которые обозначают совокупное как неделимое целое (*visš* «все», *nekas* «ничто», *neviens* «никто») или отвлеченное отдельное (частное) в рамках совокупности определенных явлений, лиц, предметов и признаков: *ikviens, (ik)katrs* «каждый, всякий, любой», *jebkas* «что бы то ни было», *jebkurš* «любой, всякий», например: *visš ir labi* «все хорошо», *Katrs to saprot* «это понимает каждый».

Определенные адъективные обобщители характеризуют расположение уже известных лиц и предметов в пространстве и времени, указывают на признак их более близкого или отдаленного расположения (*šis koks ir bērzs, bet tas — egle* «это дерево береза, а то — ель»), выражают присутствие или отсутствие известных признаков: *sādās (tādās) dienās* «в такие дни». В познавательном процессе известное и неизвестное тесно переплетаются, и это выражается в соотношении определенных и неопределенных обобщителей, ибо границы между ними размыты (*tāds* «такой», *nekāds* «никакой» — *kāds* «какой, кто-то, некто, некоторый»).

Латышский обобщитель *viņš* «он», который первоначально функциони-

ровал в качестве показателя определенности и относился к типичным указательным местоимениям, в наше время используется преимущественно в значении личного субстантивного обобщителя, поэтому в аспекте литературной нормы возникло требование употреблять слово *viņš* лишь применительно к живым существам — лицам [16, с. 517; 15, с. 508]. В отличие от него обобщитель *tas* «это, он», будучи показателем определенности, может обозначать любой известный объект (лицо и предмет). Однако выражая отдаленное положение в пространстве и времени, в настоящее время слово *viņš(-a)* в определенных контекстах употребляется также в функции определенного адъективного обобщителя: *viņā krastā* «на том берегу», *viņos laikos* «в те времена».

Адъективные обобщители могут указывать на партитивные отношения, передавая признак полного или частичного проявления чего-либо. Поскольку квантитативные обобщители обозначают как определенные, так и приближительные количественные проявления (*viss* «весь» — *neviens* «никто» — *dažs* «некоторый; несколько»), они, по своему существу находясь ближе к определенным, ассоциируются также с неопределенными обобщителями, занимая, таким образом, как бы срединное положение между данными семантическими разрядами.

В балтийском языкознании словоформы *abi*, *abas*, литов. *abu*, *abi* «оба, обе», как правило, считаются именем числительным [16, с. 486; 15, с. 498; 14, с. 613], однако вопрос о том, к какой части речи они относятся, представляется спорным. Поскольку отличительный компонент значения словесных знаков *abi*, *abas* сводится к передаче действия, совершаемого вдвоем, или же относится к предметам, явлениям, число которых известно, т. е. равно двум, то данные формы, используемые как в адъективном, так и в субстантивном значениях, думается, следует причислить к определенным квантитативным обобщителям: *pa ceļu gāja divi zēni* — *abi soļoja klusēdami* «по дороге шли два мальчика — оба шли молча». Слово *abi* «оба», будучи выразителем отвлеченного понятия, является вторичным опознавательным знаком, ибо без предыдущего указания на точное количественное проявление предметов или знания того, что задействовано именно два лица, нельзя сказать *pa ceļu gāja abi zēni* «по дороге шли оба мальчика».

Обширную группу в латышском языке образуют неопределенные обобщители. При субстантивном употреблении они передают такое отвлеченное понятие, как что-то неизвестное (*kas*, *kaut kas* «кое-что, что-либо, нечто», *kurš* «который, кто, что», *kāds*, *viens* «кто-то, нечто, один») или не принадлежащее к уже названным объектам (*cits* «другой»), обозначают неопределенную совокупность нескольких лиц или предметов: *dažs labs*, *viens otrs* «кое-кто, иной, иные, некоторые». Значение неопределенных обобщителей порой уточняется постпозитивным определением (выраженным именем прилагательным или причастием), которое в неопределенности как таковой выделяет какое-то направление или определенную более узкую сферу действия, распространения, например: *paizbēga kaut kas pelēks* «мелькнуло кое-что серое». Неопределенные адъективные обобщители указывают на то, что признак является неизвестным, неопределенным или отличным по сравнению с чем-либо другим: *vienu (kādu) dienu viņš saņēma citu izdevumu* «в один (какой-то) прекрасный день он получил другое издание».

Неопределенные обобщители, если к ним присоединяется отрицательная приставка *ne-* «не-, ни-», в какой-то мере теряют значение неопределенности, превращаясь даже в показатели известной определенности:

kas «кто, что, кое-кто» — *nekas* «ничто», *kāds* «какой» — *nekāds* «никакой», *viens* «один, кто-либо» — *neviens* «никто, ни один»; ср.: *tev kas (nekas) nepatīk* «тебе кое-что (ничего) не нравится». Своеобразное противопоставление неопределенности и определенности, которое отражает как бы переход из одного состояния в другое, заключено в придаточном и главном предложениях путем сопоставления *kas* «кто, что, который» — *tas* «тот». Например: *Kas ziemu vēro vienīgi no Rīgas ielām... tas nevar ne iedomāties, cik skaisti šogad apklāti ar sniega segu lauki* (J. Jaunsudrabiņš. *Si ziema*) «Кто видит зиму только на улицах Риги, тот не может себе представить, до чего красиво в этом году были покрыты снегом поля».

Слова *kas* «кто, что», *kurš* «который», *kāds* «какой», обозначая соответствующие отвлеченные понятия придаточного предложения в их контекстуальной связи с главным, приобретают статус союзных слов, или союзных обобщителей, причем по отношению к главному предложению они теряют свой характер выразителя неопределенности. В такой функции слова *kas*, *kurš*, *kāds* имеют как бы признаки двух частей речи. Будучи союзными словами, они все же еще не утратили морфологически-синтаксический характер обобщителей — изменяемость формы и функционирование в качестве членов предложения. Ряд союзов исторически возник из традиционных местоимений, по-видимому, в результате того, что последние постепенно утратили свое обычное лексическое значение, изменяемость формы и способность быть членом предложения: *kas* — *ka* «что», *kā* «как»; *jis* «он, тот» — *ja* «если», *jo* «ибо, потому что, так как» и др. [21, с. 616; 15, с. 749].

Как и наречия обобщенного значения *kur* «где», *kad* «когда», *kāpēc* «почему», частица *vai* «ли, разве» и др. слова, обобщители *kas*, *kurš*, *kāds* могут выступать в качестве вопросительного слова в начале предложения. В данной функции они полностью сохраняют свой характер неопределенных обобщителей, ибо именно с них начинается вопрос о чем-либо неясном — о неизвестных лицах и предметах, неопределенных, неясных признаках, например: *Kāds rīt būs laiks?* «Какая завтра будет погода?» Поэтому нет особой необходимости выделять отдельную подгруппу вопросительных местоимений, или обобщителей, ср.: *Kas tur noticis?* «Что там произошло?» *Tur būs kas noticis* «Там что-то произошло». В аспекте образования вопросительных предложений следует говорить о вводных словах как категории вопросительных слов вообще [5, с. 79; 6, с. 38—43; 7, с. 726; 27].

Номинативная функция обобщителей может постепенно угасать, и в связи с этим они начинают в большей или меньшей мере функционировать в качестве формальных слов-усилителей, носителей усилительно-выделительного значения. В такой функции обобщители нюансируют значение имен существительных, прилагательных, а также других обобщителей, образуя с ними обычно распространенный член предложения: *bija pats ziemas vidus* «была самая середина зимы» и т. п. Именно функция усиления, по-видимому, способствовала употреблению обобщителей при образовании форм превосходной степени имен прилагательных: *visu labākais* — *vislabākais*, *pats labākais*, *tas labākais* «самый хороший, лучше всех». О полной десемантизации обобщителей свидетельствует их переход в частицы, ср.: *pats* «самый» — *pat* «даже, же» [15, с. 779].

В узком смысле этого слова обобщителями являются классические местоимения, исключение составляют лишь несколько омонимов имен числительных и прилагательных (*viens* «один; кто-то, какой-то», *viens otrs* «кое-кто, некоторые», *dažs labs* «кое-кто, иные»), а также *abi* «оба». Таким об

разом, обобщители — это обычно корневые слова, которые выражают отвлеченные понятия лица, определенности и неопределенности и отличаются непродуктивностью в плане словообразования.

В более широком смысле к обобщителям можно причислить также другие слова обобщенного значения, которые передают емкие абстрактные понятия и функционируют в качестве особых опознавательных знаков. Они или сигнализируют о том, что речь идет об известном месте, направлении, определенных предметах и признаках, или же указывают, что в момент коммуникации лицо, предмет, место, время, признак являются неизвестными: *šeit* «здесь», *tur* «там», *cik* «сколько», *attiecīgs* «соответствующий», *zināms* «известный» и т. п. От подлинных обобщителей, или традиционных местоимений, данные слова отличаются преимущественно тем, что их часть является производными или осложненными суффиксами формами (типа *attiecīgs*, *zināms*), а другая часть — неизменяемыми словами: *kur*, *tur*, *šeit* и др.

Таким образом, к обобщителям можно отнести как типичные местоимения, так и другие словесные знаки, которые отличаются соотнесенностью с понятиями отвлеченного порядка, сложившимися в процессе познания и выявления лиц, предметов и их отношений в реальной действительности, в том числе в процессе коммуникации. Обобщители имеют черты так называемых полнозначных слов, поскольку они, в частности, носят субстантивный или адъективный характер, по другим признакам — они приближаются к дейктическим знакам [28].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аспекты семантических исследований. М., 1980.
2. Майтинская К. Е. Местоимения в языках разных систем. М., 1969.
3. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
4. Вольф Е. М. Грамматика и семантика местоимений (На материале иберо-романских языков). М., 1974.
5. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
6. Виноградов В. В. Русский язык. 2-е изд. М., 1972.
7. Русская грамматика. Т. 1. М., 1982.
8. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 4—2. М., 1958.
9. Вандриес Ж. Язык. М., 1937.
10. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М., 1974.
11. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
12. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Вып. 2. Л., 1927.
13. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980. С. 216—226.
14. Lietuvių kalbos gramatika. I t. Vilnius, 1965.
15. Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika. I sēj. Rīga, 1959.
16. Endzelins J. Latviešu valodas gramatika. Rīga, 1951.
17. Endzelins J., Mišenbals K. Latviešu valodas mācība. 11. izd. Rīga, 1937. 48—50. lpp.
18. Новое в лингвистике. Вып. V. М., 1970.
19. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970.
20. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
21. Endzelins J. Darbu izlase. IV sēj. 2. daļa. Rīga, 1982.
22. Pauliņš O., Rozenbergs J., Vilāns O. Latviešu valodas mācības pamatkurss. Rīga, 1978. 79. lpp.
23. Категория определенности — неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.
24. Блумфилд Л. Язык. М., 1968. С. 150.
25. Аветян Э. Г. Природа лингвистического знака. Ереван, 1968. С. 53.
26. Endzelins J. Darbu izlase. III sēj. 2. daļa. Rīga, 1980. 437. lpp.
27. Русская грамматика. Т. 2. М., 1982. С. 387—402.
28. Rosinas A. Lietuvių bendrinės kalbos įvardžių semantinė struktūra. Vilnius, 1984.